

Нет автора

Русское слово

1860. 8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русское слово: 1860. 8 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 520 с.

ISBN 978-5-458-02978-0

ISBN 978-5-458-02978-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

И Н Т П Е В Ъ .

Повѣсть.

(Посвящается С. Г. В—ой.)

Какъ бы ни была бѣдна внѣшними фактами жизнь человѣка, но дневникъ его, рассказанный добросовѣстно, безъ всякихъ самоуслаждений, имѣеть огромный интересъ психологической повѣсти.

I.

СЕМЕНЫЧЪ.

Дѣло было осенью, глубокой осенью. Дождь хлесталъ по крышамъ, звенѣлъ по стекламъ, ручьями обливалъ улицы и мутными волнами катился подъ заборами. Вѣтеръ заодно былъ съ нимъ — гудѣлъ, ревѣлъ, и взвизгивалъ, однимъ словомъ — было скверно на дворѣ, какъ бываетъ только ненастной осенью.

За-то въ маленькой комнатѣ было тепло и уютно. Двѣ свѣчки горѣли на зеленомъ столѣ; отъ стакановъ съ чаемъ несло душистымъ паромъ; чувствовалось какое-то эгоистичное удовольствіе: вы тамъ-себѣ какъ хотите, бѣдные путники, пожалуй себѣ злитесь на непогоды, а намъ съ Иваномъ Петровичемъ и Степаномъ Семеновичемъ — право не дурно!

Отд. I.

— Экъ его, — такъ и хлещеть! замѣтилъ съ досадою Иванъ Петровичъ, оставшись безъ двухъ въ червяхъ.

— Да, таки поливаетъ! прибавилъ, потирая руки, Степанъ Семенычъ, только-что обремизившій Ивана Петровича.

«Благодѣтели карты! — думалъ я сдавая; ну что прикажите дѣлать въ уѣздномъ городишкѣ, куда неволя занесла для хожденія по своимъ дѣламъ, которыя у насъ рѣшаются годами, и чтобъ сдвинуть ихъ съ мѣста требуютъ извѣстнаго подталкиванія. Вотъ и теперь напримѣръ: чѣмъ бы занялъ я моихъ добрыхъ собесѣдниковъ, почтившихъ меня своимъ посѣщеніемъ? Люди они умные, практическіе, — изъ пустаго въ порожнее переливать не любятъ, а надо же угостить, занять ихъ, потому... потому, что въ ихъ рукахъ всѣ лучшіе интересы моей жизни; они — сановники, предержавшія власти...

— Безкозырная! провозгласила торжественно одна изъ властей.

— Пасъ! сказалъ я скромно, очнувшись отъ раздумья. Игра продолжалась мирно, подъ завываніе и ливень осенней непогоды.

— Отъ Александра Николаича Митнева пріѣхалъ за вами экипажъ, доложилъ мнѣ человѣкъ, входя въ комнату: — просятъ васъ къ себѣ сейчасъ, если можно!

— Батюшка, не откажите, послышался другой голосъ у дверей: — будьте отецъ родной?

— Да что такое случилось съ Александромъ Николаевичемъ? спросилъ я у кланявшагося мнѣ въ поясъ стараго дядьки Митнева.

— Да ничего не случилось, а только больно имъ неужется — отвѣчалъ старикъ — очень тоскуютъ, о васъ вспоминаютъ... не откажите, батюшка!

— Ну хорошо, хорошо! Напейся чаю Семенычъ, а тамъ увидимъ, — подожди!

Игра кончилась скоро. Власти простились со мной, въ надеждѣ опять сойтись и провести пріятный карточный вечеръ, въ скромной гостинной ихъ покорнаго кліента.

Признаться, не хотѣлось мнѣ ѣхать семь верстъ въ страшную, невообразимую слякоти, но желаніе видѣть мо-

его бѣднаго больнаго Митнева, заставило меня рѣшиться на путешествіе.

Черезъ часъ я уже сидѣлъ въ тарантасѣ и плылъ по морю, какъ по-суху, въ родовое имѣніе сосѣда.

— Батюшка, благодѣтель вы нашъ, повторялъ мнѣ Семенычъ всякій разъ, какъ я, раздосадованный скучной ѣздой, ворчалъ на непогоду и скверную дорогу: — потерпите маленьчко — какъ разъ приѣдемъ!

— Да, вотъ что, сказалъ мнѣ Семенычъ, когда нашъ тарантасъ въѣхалъ въ большую аллею, ведущую къ дому: — вы, батюшка, обругайте меня стараго мужика, обругайте порядкомъ, только не жальтесь барину на меня. Вѣдь вызвалъ васъ изъ города-то не онъ, мой голубчикъ, а я же, дуралей. Вотъ захотѣлъ его утѣшить, да и сказался больнымъ, а самъ втихомолочку прыгъ въ тарантасъ-отъ, да и поскакалъ за вашею милостію. Простите меня — благодѣтель вы нашъ — и не выдавайте. Скажите Александрѣ Миколаичу, что-моль сами вздумали провѣдать его... не выдавайте меня, сердечный мой...

Съ трудомъ успокоилъ я старика.

Въ самую полночь очутились мы у подѣзда деревенскаго домика Митнева. Все было темно. Ощупью добрался я до кабинета хозяина дома — и вошелъ.

Александръ Николаичъ сидѣлъ въ большихъ креслахъ, передъ бюро и перелистывалъ какую-то книгу. Лампа ярко освѣщала небольшой уголокъ комнаты.

— Кто тамъ? спросилъ онъ, услыжавъ шорокъ у дверей.

— Ужъ никакъ не отгадаете!... Виновать, продолжалъ я, подходя къ нему: — знаю, что незванный гость хуже татарина, да что прикажите дѣлать — выѣхалъ изъ города рано, а попалъ къ вамъ, благодаря грязи и сквернымъ дорогамъ, въ самую полночь.

Митневъ хотѣлъ привстать, но не могъ.

— Вы еще извиняетесь, сказалъ онъ мнѣ своимъ тихимъ, задушевнымъ голосомъ: — кстати-ли это? — и онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку. Я взглянулъ на него, и ужаснулся.

Двѣ недѣли какъ я не видѣлъ его, а въ это время болѣзнь страшно его измѣнила. Большіе темные глаза Митнева горѣли лихорадочнымъ огнемъ; блѣдное, выразительное лицо невѣроятно похудѣло, носъ заострился, грудь впала, — онъ показался мнѣ даже выше ростомъ, когда, послѣ небольшого усилія, всталъ съ своего кресла и направился къ большому дивану: такъ тонокъ и гибокъ сдѣлался его стройный станъ!

— Ну какъ вы себя чувствуете? спросилъ я его, самъ не думая о чемъ спрашиваю.

— Дурно; все по-прежнему. Докторъ мнѣ надоѣлъ невообразимо... ничего не смыслить, а туда же пишетъ рецепты, пичкаетъ какимъ-то вздоромъ изъ аптеки, да еще остерить, желая видно развеселить меня... Да что обо мнѣ говорить! Скажите лучше что вы подѣлываете; хлопчете, ублажаете нашихъ уѣздныхъ юристовъ?

— Сѣйчасъ только игралъ съ двумя изъ нихъ и проигралъ имъ, по обыкновенію. Надоѣли они мнѣ — не меньше вашего лѣкаря; я пріѣхалъ къ вамъ отвести душу.

Митневъ улыбнулся.

— Вотъ это дѣло. Это значить: попасть изъ огня да въ полымя. Живые люди надоѣли, такъ пріѣхали посмотреть на мертвеца. Однако вы дѣйствительно добрый человѣкъ, что вспомнили обо мнѣ — и именно сегодня. Меня одоѣла тоска!.. Митневъ еще разъ крѣпко пожалъ мнѣ руку. Ну какъ вы находите: хорошъ я, сказалъ онъ послѣ минутнаго раздыха: — вы продрогли, а я и не подумалъ до-сихъ-поръ о чаѣ.

Онъ позвонилъ. Дверь отворилась. Вошелъ Семенычъ съ полнымъ чайнымъ приборомъ на подносѣ.

— Что твой поясница? спросилъ его Митневъ.

— Да ничего — отлежался. Здравствуйте, батюшка, — обратилъ онъ ко мнѣ. Пскушайте-ка чайку, небось продрогли — легко ли семь верстъ проѣхать въ такую слякоть! да и вамъ бы Александра Миколаичъ не мѣшало тепленькаго-то пропустить; лучше заснете — продолжалъ онъ, придвигая столъ къ камину.

— Ахъ, они разбойники, лѣнтяи, — камелекъ — отъ по-

гась, никто и не подумаетъ! а баринъ словно малый ребенокъ, хоть заморозъ его ничего не скажетъ, говорилъ Семенычъ, суетясь около чайнаго прибора.

— Ахъ они разбойники! ворчалъ онъ, выходя изъ кабинета.

Черезъ четверть часа затопили каминъ. Яркое пламя освѣтило комнату.

Больной съ видимымъ удовольствіемъ потянулся въ креслѣ. «Ну вотъ теперь хорошо!» прошепталъ онъ, и опять задумался. Я сталъ ему рассказывать мои походы въ городкѣ, объяснять мою систему волокитства за мѣстными властями... Слово-за-слово, Митневъ разговорился, вспомнилъ старинну. Я заслушался, — Александръ Николаичъ умѣлъ увлечь своего слушателя, а звуки его голоса такъ были симпатичны, что насильно врывались въ душу.

Ночь пролетѣла незамѣтно.

Три дня провелъ я у него и на прощаніе не выдержалъ: выдалъ Семеныча...

— Каковъ старый плутъ! сказалъ, смѣясь Митневъ. Знаете ли однако, прибавилъ онъ, его участіе меня трогаетъ. И за что онъ такъ любитъ мою хворую особу!..

— За то, что вы хорошій человекъ, Александръ Николаичъ... Прощайте — черезъ недѣлю я буду у васъ!

Тарантасъ поплылъ въ обратный путь. Въ городѣ ожидали меня прежніе хлопоты, преферансы по-неволю, истребленіе гербовой бумаги, и прочія удовольствія провинціального захолустья.

Черезъ недѣлю я вернулся въ Липино (имѣніе Митнева), и нашелъ больнаго въ постелѣ. Докторъ-острякъ суетился, составлялъ какія-то микстуры, теръ себѣ лобъ... Семенычъ похаживалъ по кабинету, постоянно заглядывая въ лицо «своего голубчика».

— Это вы, сказалъ мнѣ Митневъ, хорошо что пріѣхали — я удаляюсь, прибавилъ онъ грустно улыбувшись: — меня неотступно приглашаютъ туда...

— Ну полноте, ваша жизнь только начинается; вы остаетесь съ нами, Александръ Николаевичъ! проговорилъ я, стараясь ободрить больнаго.

— Нѣтъ, не останусь... да и не зачѣмъ! отвѣчалъ Митневъ, и засмѣялся...

Черезъ день его не стало. Семенычъ закрылъ ему глаза. Наканунѣ смерти ему сдѣлалось не много лучше. Онъ пожелалъ пересмотрѣть свои тетради. Перелистывая ихъ, онъ не разъ горько улыбался. Яркій румянецъ оживлялъ его блѣдныя щеки.

— Все прошло! прошепталъ онъ, откладывая въ сторону послѣднюю тетрадь, — и задумался...

— Знаете ли что? вы доказали мнѣ свою любовь, облегчили мнѣ послѣднія страданія добрымъ словомъ; къ тому же вамъ уже многое извѣстно изъ моей жизни, — вы знали меня въ *инля*, лучшія времена... будьте моимъ наследникомъ. Вотъ *все*, что у меня осталось! — сказалъ онъ съ саркастическимъ выраженіемъ на лицѣ, показывая мнѣ на грудѣ бумагъ и тетрадей. — Только, не осудите меня слишкомъ строго. Я конечно во многомъ виноватъ, *поздно* опомнился, но никогда и ни одной силой души не измѣнилъ стремленію къ добру. Много я слышалъ стонувъ и проклятій въ этой глупой жизни, но самъ не участвовалъ въ нихъ; хотѣлъ что-то сдѣлать, что-то здоровое волновало грудь, и благородныя мечты горѣли въ мозгу, но... дѣйствительныхъ силъ не хватило... обстоятельства задавили ихъ. Не достало энергии бороться съ ними, и вотъ я умираю, хотя бы еще могъ жить... Впрочемъ — и хорошо дѣлаю, что оставляю другимъ мѣсто... авось новое поколѣніе будетъ умнѣй насъ. Прощайте, другъ! — Семеныча моего не забудьте. Имѣнно мое давно описано за долги... Вотъ вольная моего дядьки, да послѣдніе двѣсти рублей; отдайте ему ихъ послѣ... Прощайте, теперь я хотѣлъ бы немного самъ съ собой поговорить, приготовиться въ неизвѣстный путь. И голосъ Митнева задрожалъ на послѣднемъ словѣ, какъ будто онъ испугался грядущей тайны за могилкой.

Я вышелъ изъ его комнаты въ какомъ-то чаду. Въ послѣдніе полгода нашей пріязни, я полюбилъ Митнева болѣе, чѣмъ когда нибудь.

Похоронивъ его, я возвратился въ городъ съ Семенычемъ, которому предложилъ переѣхать ко мнѣ на житье.

На старика тяжело было смотрѣть. Онъ былъ убитъ той сосредоточенной и безмолвной тоской, которая тѣмъ сильнѣй гнететъ душу, чѣмъ меньше для нея выраженія.

— Тридцать лѣтъ, — какіе это еще года? повторялъ онъ всхлипывая: — дитя, какъ есть дитя, а вотъ скончался батюшка, голубчикъ онъ мой! а я-то старый дуракъ — вольную получилъ, продолжалъ онъ горько усмѣхаясь. Эхъ, жизнь, жизнь! — и жизнь-то не въ жизнь мнѣ теперь, старому дураку!

Имѣнье Митнева поступило въ продажу; мнѣ удалось его приобрести за небольшую сумму.

Весною я переѣхалъ въ него на житье и по-неволѣ долженъ былъ познакомиться съ своими новыми сосѣдями.

На одномъ изъ деревенскихъ сѣздовъ подошелъ ко мнѣ какой-то старичекъ и просилъ не отказать ему въ чести принять къ нему откушать «хлѣба-соли». — Я вашъ близкій сосѣдъ, сказалъ онъ мнѣ, и хорошо зналъ прежняго владѣльца Липина: онъ былъ прекрасный молодой человекъ, только... (тутъ старичекъ покачалъ головой), немножко заразился какихъ-то странныхъ мыслей — ну — и не одоброваль. По нашему живи спокойно, не бурли, не кипятись, такъ все и пойдетъ какъ по-маслу... хе, хе, хе, хе... Такъ я буду васъ ждать...

Я поблагодарилъ. Старичекъ, пожавъ мнѣ руку, подошелъ съ низкимъ поклономъ къ входившему въ комнату старому моему знакомому Ивану Петровичу, одной изъ уѣздныхъ властей.

— Кто этотъ баринъ! спросилъ я у Ивана Петровича, когда тотъ, поговоривъ съ старичкомъ-помѣщикомъ, подошелъ ко мнѣ: — онъ звалъ меня къ себѣ, но не сказалъ своего имени.

— Это? о, это извѣстный всей губерніи коллежскій ассесоръ Звонковскій, помѣщикъ тысячи душъ, дипломатъ, ловкая штука, — я знаю всю его исторію наизусть, напомните мнѣ, я когда нибудь разскажу ее вамъ...

Тутъ гости засуетились, чтобы идти къ столу, и Иванъ Петровичъ, недокончивъ рѣчи, устремился къ гостинной для того вѣроятно, чтобы, какъ лицо значительное, вести хозяй-

ду дома въ столовую. Онъ по дорогѣ ужъ закруглялъ руку, до Звонковскій предупредилъ его. Онъ шелъ добродушно улыбаясь и толкуя что-то своей дамѣ. За нимъ вслѣдъ тянулась вереница фраковъ, мантілій, сюртуковъ, чепцовъ — цѣлый полонезъ!

Все это усѣлось и принялось кушать. Обѣдъ продолжался долго. Около меня помѣстился острякъ-докторъ, сообщившій мнѣ довольно подробныя біографическія свѣдѣнія о всѣхъ лицахъ, сидѣвшихъ за столомъ.

Къ концу обѣда, услыжавъ часто произносимое имя Митнева, я сталъ прислушиваться къ разговору.

— Помилуйте, говорилъ какой-то баринъ въ пестромъ галстукѣ, я зналъ его еще мальчишкою — это былъ пустѣйшій человекъ, весь въ своего дядю, такой же надутый, чванливый.

— Такъ, совершенно такъ, прибавилъ хозяинъ дома: — за то Богъ и наказалъ его. Онъ умеръ, можно сказать, въ нищетѣ! и ораторъ посмотрѣлъ довольно строго на гимназиста, усердно трудившагося надъ огромнымъ кускомъ телятины.

— Толкуй, толкуй — проговорилъ себѣ подъ носъ докторъ-острякъ, а все-таки твой Мишка отиѣтый дуракъ!

— Нѣтъ вы ужъ слишкомъ нападаете на покойнаго Александра Николаевича; онъ былъ достойный молодой человекъ, замѣтилъ, поглядывая въ мою сторону Звонковскій: — Мнѣ его очень, очень жаль! Миръ праху его! И Звонковскій набожно вздохнулъ.

— Вы вѣчно заступаетесь за всѣхъ, возразила какая-то толстая барыня въ пунцовыхъ лентахъ: — конечно по человечеству его жаль, ну а впрочемъ... я всегда говорила, что изъ него прока не выйдетъ: онъ такой былъ странный, необщительный: *il ne me plaisait jamais*.

— Онъ былъ сумасшедшій, совсѣмъ сумасшедшій, — прибавила другая барыня, съ черной бородавкой на носу.

— И подъ конецъ даже сталъ пить, оттого и умеръ въ чахоткѣ — подхватилъ какой-то худенькій господинъ, весь желтый какъ лимонъ, злобно поглядѣвъ на сидѣвшую противъ меня молодую дѣвушку, вспыхнувшую отъ его взгляда.

— Перегорѣлъ! замѣтилъ лаконически исправникъ, подбавляя себѣ хересу въ стаканъ.

— Да съ, онъ пилъ горькую послѣдніе мѣсяцы своей жизни. Я видѣлъ его — можно сказать — въ самомъ жалкомъ видѣ, — прибавилъ худенькій господинъ.

Дальше я уже не выдержалъ.

— Странно, милостивый государь, сказалъ я, обращаюсь къ нему:— послѣдніе полгода жизни Митнева я видѣлся съ нимъ чрезвычайно часто и — никогда не пылъ чести встрѣчаться съ вами въ домѣ Александра Николаевича. Къ тому же мнѣ положительно извѣстно, что у него, во все время болѣзни его, никто кромѣ доктора и меня не бывалъ. Что же касается до упрёка вашего....

— Помилуйте-съ, мнѣ говорили... я знаю... перебилъ меня желчный господинъ, но запутавшись остановился, совершенно сбитый съ толку.

Молодая дѣвушка, моя сосѣдка за столомъ, пристально поглядѣла на меня....

На минуту все затихло. Всѣ ждали чего-то... но «чего-то» не случилось, и обѣдъ кончился безъ особенныхъ приключеній. Стулья загремѣли, общество воротилось тѣмъ же полонезомъ въ гостинную.

Послѣ обѣда я пошелъ въ садъ. Возвращаясь по большой аллеѣ къ дому, я взглянулъ на террасу. На ней красовалось уже нѣсколько барынь и два-три неизбѣжныхъ при нихъ уѣздныхъ льва. Поодаль отъ пестрой группы, прислонясь къ колоннѣ, стояла молодая дѣвушка, на которую я во время обѣда не разъ засматривался. Она была очень хороша! Вытянувъ немного свою бѣлую шейку, она внимательно слушала рассказъ худенькаго господина, такъ злобно поглядѣвшаго на нее за столомъ, во время разговора о Митневѣ. Черныя брови ея слегка сдвинулись; правая ножка, выглянувъ изъ подъ пышнаго бѣлаго платья, сердито била тактъ по первой ступенькѣ террасы; — замѣтно было, что она еще не привыкла скрывать своихъ впечатлѣній....

Я засмотрѣлся на красавицу. Да и можно ли было не засмотрѣться? — стройная ножка ея, стянутая атласной ботинкою, роскошный станъ и черные глаза, метавшіе огнемъ на

желчную фигуру худенькаго барина, сообщали ей силу чудеснаго вліянія. Подойдя поближе къ разговаривающимъ, я услышалъ два раза произнесенную фамилію Митнева, наконецъ свою собственную, и вслѣдъ за тѣмъ немного рѣзкіе контральтовые звуки голоса молодой дѣвушки: «Неправда, неправда — этого быть не можетъ!» возразила она громко.

— Я вамъ докажу, — подождите только! отвѣчалъ баринъ.

Въ это время я показался изъ-за колонны. Худенькій господинъ суетливо повернулся на своихъ высокихъ каблучкахъ, и быстро удался.

Молодая дѣвушка съ удивленіемъ прсмотрѣла вслѣдъ быстро удалившемуся барину, но увидавъ меня, едва замѣтно и — какъ мнѣ показалось — пренасмѣшливо улыбнулась. Я прошелъ мимо ее. Въ дверяхъ я встрѣтилъ Звонковскаго.

— Когда же вы ко мнѣ? сказалъ онъ — я вѣдь вашъ ближайшій сосѣдъ. Маша, прибавилъ онъ, обращаясь къ красавицѣ: — сбирайся, пора домой!

— Это моя воспитанница! — пояснилъ онъ, показывая мнѣ рукой на молодую дѣвушку.

Я поклонился, и далъ себѣ слово быть у Звонковскаго...

«Странно, — что сдѣлалъ имъ Митневъ? разсуждалъ я, возвращаясь домой — онъ жилъ такъ далеко отъ ихъ круга. Погруженный въ себя, страдалецъ терпѣливо ждалъ своей послѣдней часъ.... Но сплетня такъ безмысленна и клевета такъ близорука, что не попадали ни чистаго имени, ни тихой, благородной жизни. «Что хуже въ людяхъ: душа или языкъ?» — повторилъ я вмѣстѣ съ поэтомъ.

Возвратившись въ свой уединенный домикъ, я пришелъ къ себѣ въ кабинетъ, въ которомъ еще такъ недавно просиживалъ я дни и ночи съ Александромъ Николаевичемъ. Тяжелыя воспоминанія нахлынули на меня съ невѣроятной силой. Я началъ повѣрять все слышанное мною за обѣдомъ, съ впечатлѣніями, произведенными на меня словами, мыслями, малѣйшими движеніями покойнаго, потомъ.... потомъ стали мало-по-малу исчезать одно за другимъ всѣ непріязненные лица. Исчезъ и добродушно улыбающійся Звонковскій, и барыня съ пунцовыми лентами, и баринъ въ пестромъ галсту-